

© 2016 г.

И.Э. МАГАДЕЕВ

УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, “БАЛАНС СИЛ” И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1944–1945 годы)

Вторая мировая война, ставшая крупной вехой во всемирной истории, имела для каждой великой державы и свое специфическое значение. Для Великобритании мировой конфликт среди прочего ознаменовался завершением процесса, который стал проявляться уже с начала XX в. и суть которого ряд исследователей характеризуют как “потерю Британией глобального превосходства в пользу Соединенных Штатов” в Западном мире¹. Схожая тенденция сокращения британской мощи нашла отражение в резком ослаблении и последующем распаде Британской колониальной империи после 1945 г., в нарастании проблем на периферии, во все больших сложностях при обеспечении Лондоном поддержки со стороны ряда доминионов. Международно-политические процессы перерастания союзничества с СССР во все большую напряженность и последующую “холодную войну” делали общую ситуацию еще более нестабильной, осложняя разработку стратегической политики в меняющихся условиях.

Как эти масштабные процессы воспринимались и оценивались военным руководством Великобритании, и прежде всего Комитетом начальников штабов (КНШ), одним из важнейших инструментов руководства военными усилиями страны, являвшегося к тому же важным “источником стратегических рекомендаций” для правительства?² Какие выводы делались из опыта войны и ошибок предвоенного периода? Как должна была измениться стратегическая политика Великобритании ввиду уроков и последствий войны? Таковы основные вопросы, на которые пытается ответить автор предлагаемой читателю статьи.

КНШ и особенно входивший в его структуру Подкомитет (с августа 1944 г. – Штаб) по послевоенному планированию (с июля 1945 г. – в составе Штаба объединенного планирования) наряду с Форин офис и Комитетом по условиям перемирия и гражданской администрации под председательством заместителя премьер-министра К. Эттли играл ключевую роль в определении стратегической политики Великобритании на послевоенный период. Более того, на фоне общей международной волатильности, неожиданной для многих смены политической власти в Великобритании (после парламентских выборов июля 1945 г. У. Черчилль уступил пост премьер-министра Эттли), относительно стабильный кадровый состав КНШ, прошедший войну, во главе с начальником Имперского генерального штаба (1941–1946 гг., с 1942 г. председатель

Магадеев Искандэр Эдуардович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории и политики стран Европы и Америки факультета Международных отношений Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия).

¹ *McKercher B.J.C.* Transition of Power: Britain’s Loss of Global Pre-eminence to the United States, 1930–1945. Cambridge, 2006.

² *Strachan H.* The Direction of War: Contemporary Strategy in Historical Perspective. Cambridge, 2013, p. 79.

КНШ) фельдмаршалом А. Бруком, начальником Штаба ВМФ (1943–1946 гг.) адмиралом Э. Каннингхемом и начальником Штаба ВВС (1940–1946 гг.) маршалом авиации Ч. Порталом должен был в определенной степени обеспечить континуитет военной и стратегической политики Великобритании (по аналогии с аппаратом Форин офис в отношении дипломатии). Изучение реакций КНШ на трансформировавшуюся международную обстановку в этом смысле представляет особый исследовательский интерес.

Источниковую базу статьи составили документы КНШ из фонда Управления делами кабинета министров Национального архива Великобритании (главным образом, серии САВ80 и САВ66). Данные материалы, еще до их рассекречивания в 1970-е годы использовавшиеся в официальных британских исторических трудах о Второй мировой войне³, в последующем привлекались в ряде зарубежных и отечественных работ⁴. Для основных зарубежных исследований по проблематике послевоенного британского планирования в годы Второй мировой войны⁵ характерны акцент на противоречиях КНШ с Форин офис, особенно по вопросу “советской угрозы”; внимание к генезису тенденций “холодной войны” в оценках и прогнозах, сформулированных еще до 1947 г.; концентрация анализа на ключевых региональных и военнотехнических проблемах, прежде всего на проблеме безопасности в Западной Европе и Средиземноморье, а также на проблеме противовоздушной обороны Великобритании. В отечественной историографии указанный вопрос затрагивался частично в рамках исследований, посвященных общему внешнеполитическому планированию Великобритании на завершающем этапе войны, с акцентом на позиции политического руководства и дипломатов, в особенности в рамках изучения советско-британских отношений и восприятия Лондоном “советского фактора”⁶. В целом же при серьезном внимании к послевоенному планированию политического и военного руководства США⁷ – главной державы среди западных союзников – Великобритания в отечественных работах оставалась несколько в тени.

Хронологические рамки данной статьи охватывают период с июня 1944 г. – старта “Оверлорда” и новых дискуссий о проблеме уязвимости Британии ввиду начала обстрелов ее немецкими самолетами-снарядами Фау-1 – до сентября – октября 1945 г., времени первых выводов, сделанных непосредственно после окончания войны на этапе “излета Великого альянса” и начала “атомного века”.

³ В том числе в рамках серии “Большая стратегия”, ряд работ из которой был переведен на русский язык. См., например: *Эрман Дж.* Большая стратегия. Октябрь 1944 – Август 1945 г. М., 1958.

⁴ Среди отечественных работ см., например: *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982; *Великая Отечественная война 1941–1945 годов*, т. 9. М., 2014; *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование, т. 1–2. М., 2015.

⁵ *Baylis J.* British Wartime Thinking about a Post-War European Security Group. – *Review of International Studies*, 1983, v. 9, № 4; *Gorst A.* British Military Planning for Postwar Defense, 1943–1945. – *Britain and the First Cold War*. London, 1990; *Lewis J.* Changing Direction: British Military Planning for Post-War Strategic Defence, 1942–1947, 2nd ed. London, 2003; *Stocker J.* Britain and Ballistic Missile Defence, 1942–2002. London, 2004.

⁶ Среди новейших работ см.: *Портнягин Д.И.* Внешняя политика СССР в оценках Объединенного разведывательного комитета Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии (1944–1947 годы). – *Вестник СПбГУ*, сер. 6, 2014, вып. 1; *Капитонова Н.К., Романова Е.В.* История внешней политики Великобритании. М., 2015; *Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы*. М., 2015, гл. 4–5.

⁷ См., например: *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004; *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006; *Мяжков М.Ю.* Проблемы послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006.

Тегеранская конференция 1943 г., озаглавленная решением о грядущем открытии второго фронта в Европе в 1944 г., принятым “под совместным нажимом И.В. Сталина и Ф. Рузвельта на их основного оппонента У. Черчилля”⁸, уже во многом свидетельствовала о снижении британского веса в рамках “Большой тройки” и ее постепенной трансформации в “Большую двойку”.

Победа предпочтительного для СССР и США варианта стратегии войны, безусловно, значимая и сама по себе, становилась еще более наглядной при оценке сухих цифр, связанных с “Оверлордом”. Как признавал сам Черчилль в Тегеране, из 35 дивизий, выделенных для “Оверлорда”, 19 должны были быть американскими и 16 – британскими. “Это все, – сказал он, – что мы, англичане, можем дать, учитывая 46 миллионов человек нашего населения и численность наших военно-воздушных сил”⁹. Для обеспечения равенства с американцами хотя бы на начальном этапе высадки десанта на Севере Франции Черчилль был готов даже вывести часть дивизий с приоритетного в его глазах Итальянского фронта, где британцы продолжали обладать численным превосходством над своим союзником¹⁰. В целом, если также принять во внимание план десантной операции на Юге Франции (“Энвил”, затем – “Драгун”), навязанный британцам американским руководством при положительном отношении к нему со стороны Сталина, то расклад сил в антигитлеровской коалиции к лету 1944 г. явно складывался не в пользу Лондона. «К лету 1944 г. “Оверлорд” и “Энвил/Драгун” ясно демонстрировали, что отношения между двумя западными союзниками фундаментальным образом изменились. Соединенные Штаты стали доминирующим партнером. Теперь американцы определяли союзную стратегию на Западе», – отмечает один из американских исследователей¹¹.

Ограниченность британских военных возможностей и растущая зависимость их применения от поддержки США проявились и в целом ряде других военных действий и планов 1944–1945 гг. Показательной (ввиду традиционного влияния Лондона в этой стране) стала ситуация в Греции, где осенью 1944 г. для высадки британского десанта потребовалась поддержка американских ВВС¹². И здесь Лондон оглядывался на Вашингтон, что отразилось на позиции командующего британскими войсками в Греции генерал-лейтенанта Р. Скоуби, который “с целью избежать подозрений в США” призывал военные власти Великобритании убедить Вашингтон в том, что британская оккупация будет носить краткосрочный характер¹³. Однако из-за опасений, связанных с возможным перенапряжением сил, нехватки ресурсов и многочисленных задач в иных частях света летом 1945 г. за скорейший вывод британских войск из Греции ратовал не столько Вашингтон, сколько британское военное министерство и главнокомандующий англо-американскими войсками в Средиземноморье британский фельдмаршал Г. Александер¹⁴.

Роль Великобритании в качестве младшего союзника США была еще более очевидной в рамках войны против Японии, в которой американские войска с самого начала несли на себе основное бремя. Но характерно, что здесь наблюдалось стремление

⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, т. 8. М., 2014, с. 298.

⁹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 2. М., 1978, с. 97.

¹⁰ French D. Invading Europe: The British Army and Its Preparations for the Normandy Campaign, 1942–1944. – *Diplomacy & Statecraft*, 2003, v. 14, № 2, p. 278.

¹¹ Wilt A. The Summer of 1944: A Comparison of Overlord and Anvil/Dragoon. – *Journal of Strategic Studies*, 1981, v. 4, № 2, p. 193.

¹² Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence, v. 3. Princeton, 1984, p. 279.

¹³ The National Archives of Great Britain, Cabinet Office (далее – TNA, CAB) 66/58. From Scobie to Wilson, 25.11.44.

¹⁴ Ibid., CAB 80/94, Record of a Meeting Held at the FO, 12.06.45; CAB 80/95, Discussion with Alexander, Aide Memoire by JPS, 29.06.45.

британских военных добиться большего влияния в диалоге с американцами¹⁵. Обсуждая в мае 1944 г. возможные варианты британской стратегии в войне на Тихом океане (основной выбор состоял либо в поддержке американцев в их продвижении через Филиппины и Тайвань на Японские острова, либо в передислокации главных британских усилий юго-западнее, в зону приоритетных интересов Великобритании – Малайю и Сингапур), КНШ выступал за промежуточный вариант – продвижение сил Великобритании и доминионов на север о. Калимантан.

Это позволило бы занять стратегическое положение близ Малайи, не слишком отдалившись от американских сил. “Желательно, чтобы мы находились как можно в более тесной сцепке с американскими операциями в Тихом океане, – говорилось в докладе КНШ от 4 мая 1944 г. – Также крайне важно, чтобы мы приняли участие в операциях, которые приведут к наступлению собственно на Японию. Наконец, не только наше влияние на мирной конференции, но и наше положение и влияние на Дальнем Востоке на протяжении многих грядущих лет будут определяться масштабом и эффективностью вклада, который мы внесем... для достижения полного поражения Японии”¹⁶. На состоявшемся в конце мая совещании с участием Черчилля фельдмаршал Брук продолжил настаивать на активном участии Великобритании в Тихоокеанской войне, рассчитывая, что это позволит усилить голос британских военных и при принятии стратегических решений в диалоге с американцами¹⁷.

Однако к августу 1945 г. тон стал иным. 9 августа, в день атомной бомбардировки Нагасаки и три дня спустя после Хиросимы, британский КНШ, исходя из возможности высадки крупного десанта на о. Хонсю, запланированного ранее на март 1946 г. (операция “Коронет”), полностью принял весьма жесткие условия генерала Д. Макарута: войска, выделенные для операции (три дивизии – британская, канадская, австралийская), будут находиться под американским главнокомандованием, являясь “интегральной частью американской армии”; они будут оснащены американским вооружением; им не будет предоставлено отдельного сектора ведения боевых действий¹⁸.

Во многом важный императив послевоенной британской политики – стремление поддерживать максимальный контакт с США, пытаться их заинтересовать и привлечь к решению самых разных международных проблем, затрагивавших Великобританию, – стал отражением изменившегося в результате войны соотношения сил между западными союзниками. С этим соглашались Черчилль, автор понятия “особые отношения”, Форин офис и КНШ. Тезис хорошо просматривался в черновике доклада Штаба послевоенного планирования от 7 июля 1944 г., составленном как ответ на запрос Форин офис о послевоенной системе безопасности в Западной Европе¹⁹. Ясную форму он получил в окончательном докладе того же органа “Безопасность в Западной Европе и Северной Атлантике” от 9 ноября 1944 г., где говорилось: “Соединенные Штаты – это единственная страна, которая обладает достаточными человеческими ресурсами и резервами для стабилизации ситуации и восстановления равновесия (в Европе. – И.М.)”²⁰.

Вышеприведенная идея британских военных планировщиков о нарушении равновесия сил в Европе и необходимости американской поддержки для его восстановления указывала на другой важный вывод КНШ об изменении “баланса сил” в ходе войны – о колоссальном росте мощи СССР. 6 июня 1944 г., в день начала “Оверлорда”, Подкомитет послевоенного планирования выпустил весьма тревожный доклад, основным

¹⁵ Подробнее см. *Hall T.* “Mere Drops in the Ocean”: The Politics and Planning of the Contribution of the British Commonwealth to the Final Defeat of Japan, 1944–45. – *Diplomacy & Statecraft*, 2005, v. 16, № 1.

¹⁶ TNA, CAB 80/83, War against Japan – Summary of Various Courses. Report by COS, 04.05.44.

¹⁷ Ibid., Minutes of a Staff Conference, 26.05.44.

¹⁸ Ibid., CAB 80/96, Participation in CORONET – Brief for the Force Commander, 09.08.45.

¹⁹ См. *Lewis J.* Op. cit., p. 112–114.

²⁰ Путь к Великой Победе, с. 676.

содержанием которого стало перечисление потенциальных угроз со стороны СССР для британских интересов: доступ к нефти и влияние на Среднем Востоке, морские коммуникации и безопасность Соединенного Королевства от нападения с воздуха. Для нейтрализации этих угроз Подкомитет призывал заручиться поддержкой США, а также констатировал: “Общая слабость европейских государств после этой войны оставит вакуум, который СССР может заполнить, если того пожелает”²¹.

На протяжении осени 1944 – лета 1945 г. опасения из-за “советского фактора” в британских военных и разведывательных разработках (СССР как потенциальная угроза и как “величайшая сухопутная держава в мире”) лишь усиливались²². В июле 1945 г. британская военная миссия в Москве, отнюдь не склонная высоко оценивать шансы СССР выстоять на ранних этапах войны, теперь отправляла в Лондон донесения совсем иного характера: “Нет сомнения в том, что Красная Армия будет представлять собой самую могущественную военную машину на всем сухопутном массиве от Атлантики до Тихого океана, и, если советское правительство посчитает, что того требуют его жизненные интересы, оно может взять с этих территорий все, что захочет”²³. Установка, сформулированная Объединенным разведывательным комитетом и состоявшая в том, что необходимо исходить из перспективы враждебности СССР, который готов развязать всеобщую войну к 1956 г., была закреплена в июне 1945 г. в обобщающем докладе Штаба послевоенного планирования “Безопасность Британской империи”²⁴.

Невозможность для Великобритании надеяться на успех в случае вооруженного столкновения с СССР была очевидна для военных. Еще в черновике доклада от 7 июля 1944 г. Подкомитет послевоенного планирования, рассматривая возможность столкновения с Красной Армией на Западе Европы, приходил к выводу о том, что отступление на Британские острова неизбежно. Лишь последующее вмешательство США на стороне Великобритании давало надежды на восстановление ситуации, но и этого вмешательства могло бы не хватить в случае союза СССР и Германии, чего следовало избежать “любой ценой”²⁵. Та же мысль о бесперспективности вооруженного противостояния с СССР в Европе, по сути, была сформулирована в известном докладе Штаба объединенного планирования по операции “Немыслимое” 22 мая 1945 г.²⁶, в итоговом меморандуме КНШ по “Немыслимому” для Черчилля от 8 июня 1945 г.²⁷ и в наиболее откровенной форме – в дневниковой записи Брука от 24 мая. “Идея, конечно, фантастическая, – писал он, – и шансы на успех нулевые. Нет никаких сомнений в том, что Россия отныне обладает полным превосходством в Европе”²⁸.

Определенные изменения в британской оценке абсолютного доминирования СССР в Европе появились лишь после испытания атомной бомбы и начала осознания степени реальной разрушительной силы нового оружия. Тон одного из сентябрьских меморандумов КНШ уже заметно отличался от вышеприведенных ремарок Брука. Отметив, с одной стороны, возросшую мощь СССР, Комитет вместе с тем сразу подчеркнул, что, “с другой стороны, у нас есть основания полагать, что американцы поддерживают нас и с военной точки зрения наша позиция в отношении России сильнее в настоящее время, чем она может быть в будущем. В Европе до сих пор имеются американские силы, наша демобилизация не завершена и только у нас и у американцев есть атомная

²¹ Там же, с. 601.

²² Там же, с. 672–678, 688–691, 792–796.

²³ TNA, CAB 80/97, Note on Russia, by Gammell, July 1945.

²⁴ *Gorst A.* “We Must Cut Our Coat According to Our Cloth”: the Making of British Defence Policy, 1945–48. – *British Intelligence, Strategy and the Cold War, 1945–51.* London, 1992, p. 144.

²⁵ *Lewis J.* Op. cit., p. 115.

²⁶ *Ржевский О.А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. – Новая и новейшая история, 1999, № 3, с. 98–123.

²⁷ TNA, CAB 120/691, from COS to Prime Minister, 08.06.45.

²⁸ *War Diaries, 1939–1945: Field Marshal Lord Alanbrooke.* London, 2002, p. 693.

бомба”²⁹. При этом надежды на длительность “атомной монополии”, по всей видимости, были не особенно прочными. В октябре 1945 г. британская военная миссия в Москве, отмечая, что “русские были несколько обескуражены, обнаружив, что их позиции оказались ослаблены в результате появления этого нового оружия”, в то же время констатировала, что в СССР “в научных и промышленных кругах наблюдается значительная активность по вопросу развития атомной энергии... (русские. — *И.М.*) с огромной энергией ускорят свои исследования и разработки”³⁰.

Итак, резкое усиление СССР — новый фактор и одно из важнейших последствий Второй мировой — воспринималось британскими военными как очевидный, но неприятный для них факт. В отличие от Форин офис³¹ КНШ не склонен был уподоблять будущие отношения с Советским Союзом тем, что существовали между Великобританией и Российской империей. Подчеркивая возросшую по сравнению с имперским прошлым мощь СССР, прежде всего Красной Армии, британские военные считали, что сам факт этой мощи, усиленный практически имманентными, с их точки зрения, экспансионистскими тенденциями коммунизма, представляет потенциальную угрозу для Великобритании. Решение проблемы они видели в поиске инструментов, способных сбалансировать усиление СССР.

Помимо опоры на США важным инструментом “внешнего балансирования” должна была стать так называемая Западноевропейская группа, под которой подразумевался военно-политический и, возможно, экономический блок Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Норвегии и Дании при вероятном присоединении к ним в дальнейшем Швеции, Португалии, Испании и Италии. Идея Западноевропейской группы, сформулированная в конце мая 1944 г. британским представителем при Французском комитете национального освобождения А. Дафф-Купером³², к концу июня приобрела форму официального меморандума Форин офис в адрес КНШ. К предполагаемой группе при этом была добавлена Исландия³³.

Если Форин офис видел основное назначение этой группы в сдерживании потенциальной агрессии Германии после войны, то Подкомитет послевоенного планирования уже летом 1944 г. указывал также на важную роль западноевропейского блока в случае проявления враждебности со стороны СССР: “Создание западноевропейской группировки государств станет лишь первым шагом к системе, которая, если мы хотим обеспечить безопасность наших островов, должна включать часть Германии, если не всю ее”³⁴. Критика подобной позиции со стороны Форин офис имела некоторые результаты в плане смягчения позиции военных, но, тем не менее, и в окончательной версии доклада Штаба послевоенного планирования (9 ноября 1944 г.) отмечалось: “Западная группа союзников... имела бы даже большую ценность в качестве средства углубления нашей обороны в случае необходимости защиты от СССР, нежели от перевооружившейся Германии. Сильная и дружественная Франция была бы чрезвычайно важна. Желательным опять же было бы включение Швеции, Испании, Португалии и Исландии”³⁵.

Концепция Западноевропейской группы, которая, стоит отметить, не пользовалась единодушной поддержкой в среде британского руководства, в частности Черчилля³⁶,

²⁹ TNA, CAB 80/97, Montreux Convention, Comments on the FO Proposals, 11.09.45.

³⁰ Ibid., Final Report on № 30 Military Mission, 03.10.45.

³¹ См. *Folly M.* “A Long, Slow and Painful Road”: The Anglo-American Alliance and the Issue of Co-Operation with the USSR from Teheran to D-Day. — *Diplomacy & Statecraft*, 2012, v. 23, № 3, p. 477.

³² TNA, CAB 66/53, Duff Cooper to Eden, 30.05.44.

³³ Ibid., CAB 80/44, Western Europe, Draft Report by FO, 23.06.44.

³⁴ Путь к Великой Победе, с. 621.

³⁵ Там же, с. 675.

³⁶ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Указ. соч., т. 2, с. 318.

была вместе с тем не только реакцией на усиление СССР, но и отражала ряд иных выводов, сделанных из опыта войны. Можно выделить из них три ключевых.

Первый – ощущение уязвимости Великобритании от угрозы с континента. Если самым важным опытом в этом отношении, сопряженным с наибольшим риском, были события “битвы за Британию” 1940 г., то самым недавним для британских планировщиков явился опыт обстрела Британских островов, и прежде всего Лондона, немецкими самолетами-снарядами Фау-1 (первый обстрел 13 июня 1944 г.) и баллистическими ракетами Фау-2 (первый обстрел 8 сентября 1944 г.)³⁷. “При анализе всех наших военных проблем в будущем будет доминировать следующий факт: по мере развития авиации и ракет дальнего радиуса действия положение Соединенного Королевства со стратегической точки зрения будет серьезно ухудшаться”, – отмечал Штаб послевоенного планирования в ноябре 1944 г.³⁸

Весьма активное обсуждение вопроса о будущей системе ПВО Великобритании, проходившее летом 1944 – летом 1945 г. в рамках Подкомитета по распределению средств активной противовоздушной обороны (в рамках министерства ВВС), выявило тот же факт. В докладе от 15 июня 1945 г. Подкомитет хотел “подчеркнуть уязвимость Лондона... Завершающие месяцы этой войны представили множество свидетельств в пользу огромных возможностей наступательных вооружений, находящихся сейчас лишь на ранней стадии развития”³⁹. Если немецкие обстрелы 1944–1945 гг. указывали на новые риски для безопасности Великобритании, то опыт 1940 г., когда так называемая система Даудинга⁴⁰, опиравшаяся на радиолокационные станции (радары) и меры наземного наблюдения, сыграла победную ключевую роль в “битве за Британию”⁴¹, оценивался положительно.

Вместе с тем при планировании будущей системы ПВО опыт Второй мировой войны следовало применить, исходя уже из совершенно новой стратегической ситуации и прежде всего появления нового основного потенциального противника – СССР. “Мы исходим из того, что, за исключением России, ни одна страна не сможет предпринять крупномасштабное нападение на Великобританию (с воздуха. – *И.М.*) в течение рассматриваемого десятилетнего периода”, – отмечалось в докладе Подкомитета от 15 июня. Доклад составил основу меморандума КНШ от 7 июля 1945 г., который был призван наметить основные линии развития британской ПВО на десятилетний период⁴².

Второй важный урок войны отразился в понятии “глубина обороны”, активно использовавшемся британскими военными при размышлениях о будущей Западноевропейской группе. Как отмечалось в одном из меморандумов министерства ВВС (совместно с министерством по делам Индии), “один из главных уроков войны – важность глубины воздушной обороны”⁴³.

Применительно к Западной Европе под “глубиной обороны” понималось наличие британского присутствия или контроля на значительных территориях вне Британских островов, что позволило бы отдалить от самой Великобритании угрозы ее безопасности и предоставить больше времени для борьбы с ними. “Чем шире и эффективнее эта полоса обороны, тем больше времени остается для использования наших ресурсов

³⁷ Подробнее см. *Stocker J.* Op. cit., p. 8–32.

³⁸ Путь к Великой Победе, с. 673.

³⁹ TNA, CAB 80/94, Air Defence of Great Britain during the Ten Years Following the Defeat of Germany, Report by the Sub-Committee on the Allocation of Active Air Defence, 15.06.45.

⁴⁰ *Х. Даудинг* – маршал авиации, командующий истребительными силами ВВС Великобритании.

⁴¹ См., например: *Gray C.* Dowding and the British Strategy of Air Defense 1936–1940. – *Successful Strategies: Triumphant in War and Peace from Antiquity to the Present.* Cambridge, 2014.

⁴² TNA, CAB 80/95, Air Defence of Great Britain during the Ten Years Following the Defeat of Germany, Report by COS, 07.07.45.

⁴³ *Ibid.*, CAB 66/66, Arabia – Acquisition of Masirah Island as a Permanent R.A.F. Base, Memo by Macmillan and Amery, 29.05.45.

и ресурсов наших союзников... Идеальная глубина недостижима, но ясно, что по возможности полоса обороны должна включать в себя Норвегию, Данию, Голландию, Бельгию, Францию и большую часть Германии”, — отмечал Штаб послевоенного планирования 9 ноября 1944 г.⁴⁴

В составленном днем ранее докладе заместителей начальников штабов логика была той же. “Мы полагаем, — говорилось там, — что включение (в Западноевропейскую группу. — *И.М.*) сильной Франции имеет первостепенное значение. Стратегические резоны за включение Норвегии и Дании таковы: благодаря их географическому положению использование норвежских и датских ресурсов и возможностей на их территории поможет нам: а) предотвратить возрождение Германии за счет наших баз для контроля за Кильским каналом, выходами из немецких портов на Балтике и Северном море; б) путем добавления глубины для нашей обороны в случае, если возрождение Германии все же произойдет”⁴⁵.

При всем многообразии потенциальных членов Западноевропейской группы британские военные, как и Черчилль, считали ее ключевым континентальным элементом Франции. Сомневаясь в возможности быстрого возрождения Франции в качестве “первоклассной военной державы” и превращения ее вместе с Великобританией в лидера планируемой группы, заместители начальников штабов все же отмечали: “В наших интересах, чтобы она снова стала нашим наиважнейшим западноевропейским союзником. Мы должны всеми возможными способами помогать ей”⁴⁶. Визит У. Черчилля и министра иностранных дел Э. Идена в освобожденную Францию 10–14 ноября 1944 г., в ходе которого Ш. де Голль сетовал на недостаток снабжения французской армии, стимулировал британцев предпринять некоторые усилия в поставке техники французам. Но в этом вопросе, как и во многих других, Лондон серьезно зависел от американской поддержки⁴⁷.

Идея наращивания “глубины обороны” Великобритании имела, однако, не только антигерманскую направленность. В этом смысле уроки войны вновь использовались для подготовки к эвентуальному конфликту с совершенно иным противником и потенциально влекли за собой ревизию политических итогов Второй мировой. В сентябре 1944 г., размышляя о военных последствиях возможного расчленения Германии, КНШ пришел к выводу, что “расчленение будет выгодно нам с военной точки зрения в качестве средства недопущения германского перевооружения и новой агрессии”. Однако члены КНШ держали в уме не только такую возможность. Рассматривая вероятность враждебности со стороны СССР после войны, британские военные полагали, что им не удастся заручиться поддержкой Германии, если она останется единой. Поэтому, считали они, интересы Великобритании “будут лучше обеспечены... если мы согласимся на расчленение (Германии. — *И.М.*), поскольку при необходимости мы могли бы включить Северо-Западную, а возможно, и Южную Германию в орбиту Западноевропейской группы. Это обеспечит большую глубину обороны для Соединенного Королевства и увеличит военный потенциал всей группы”⁴⁸. В этом смысле тезис о “глубине обороны”, как и сама Западноевропейская группа в целом, был для британских военных концептуальным ответом на случай двух угроз: германской и советской.

Наконец, третий важный урок из опыта войны, отразившийся в размышлениях британских военных о будущей политике в Западной Европе, заключался во взаимозависимости безопасности Британских островов и Европейского континента (главным образом его северо-западной части). Наиболее очевидно этот вывод звучал применительно к вопросам ПВО: Северная Франция, Бельгия и Нидерланды были основными

⁴⁴ Путь к Великой Победе, с. 675.

⁴⁵ TNA, CAB 80/89, Policy towards Western Europe, Report, 08.11.44.

⁴⁶ Ibidem.

⁴⁷ Ibid., Equipment of the French Air Force, Copy of a Letter from FO to COS, 29.11.44.

⁴⁸ Ibid., CAB 80/87, Military Aspects of the Proposal that Germany Should Be Dismembered, Report by COS, 09.09.44.

пунктами немецких авианалетов на Великобританию, а затем обстрела Британских островов с помощью Фау-1 и Фау-2. В марте 1945 г. министр информации Б. Брекен, призывая кабинет предать гласности ряд сведений, полученных военными, о местах запуска Фау-1 и Фау-2 в Северной Франции, отмечал: “Я не сомневаюсь, что они (эти сведения. – *И.М.*) содержат также некоторые уроки в отношении потребностей нашей будущей безопасности. Это не пройдет незамеченным”⁴⁹.

Тезис о необходимости выстраивания общей системы ПВО на северо-западе Европы неоднократно звучал в ходе дискуссии о будущей ПВО Великобритании. В октябре 1944 г., комментируя доклад Подкомитета по распределению средств активной противовоздушной обороны, заместитель Брука генерал-лейтенант А. Най, заявил: “Стоит рассмотреть вопрос о том, не должна ли быть создана совместная система противовоздушной обороны с Францией и Нидерландами. Тесные связи, сформированные на данный момент, между королевскими военно-воздушными силами и силами указанных стран, могут оказать огромную помощь в реализации этого проекта”⁵⁰. В июле 1945 г., ссылаясь на опыт войны и грядущие технические изменения, КНШ тоже констатировал, что “крайне желательно либо интегрировать систему противовоздушной обороны Великобритании со странами Северо-Западной Европы, либо расширить нашу систему предупреждения и информирования о воздушных налетах на Европейский континент”⁵¹.

Таким образом, проект Западноевропейской группы и характер его обсуждения в военных кругах указывали на стремление учесть уроки войны при стратегическом планировании послевоенного периода. Готовность британского военного руководства пойти на заключение военно-политического союза с западноевропейскими странами, предпринимать совместное военное планирование и выстраивать интегрированную систему ПВО – все это сильно отличалось от британских действий в межвоенный период. Вместе с тем о принципиальной новизне говорить было сложно. Концептуальные основания – стратегическая роль Северной Франции, Бельгии и Нидерландов в безопасности Великобритании – не являлись новыми, они уходили корнями в традиции британской внешней политики. Идея о невозможности полагаться лишь на фактор островного положения в деле обеспечения безопасности высказывалась уже в ходе Первой мировой войны⁵². А в 1925 г. не кто иной, как министр иностранных дел О. Чемберлен, убеждал своих коллег по кабинету, что “развитие военно-воздушной техники и артиллерии ставит нас перед риском разрушения, даже если наш флот будет продолжать доминировать в Английском канале и Ирландском море. Границы Франции и Нижних земель (Бельгии и Нидерландов. – *И.М.*) теперь так же важны для безопасности сердца империи, как были важны порты Английского канала 100 или 200 лет назад”⁵³.

Как показали дальнейшие события, западноевропейский вектор британской стратегии при всем его значении был явно подчинен приоритету поддержания “особых отношений” с США. Даже в преддверии подписания договора о взаимопомощи с Францией в Дюнкерке (4 марта 1947 г.), концептуальные основы которого вполне просматривались в разработках военного времени, маршал авиации У. Диксон, заместитель начальника Штаба ВВС, подчеркнул, что договор приемлем лишь “при

⁴⁹ Ibid., CAB 66/64, V-Weapon Sites in Northern France, Memo by Bracken, 29.03.45.

⁵⁰ Ibid., CAB 80/88, Air Defence of Great Britain during the Ten Years Following the Defeat of Germany, Report by Nye, 28.10.44.

⁵¹ Ibid., CAB 80/95, Air Defence of Great Britain during the Ten Years Following the Defeat of Germany, Report by COS, 07.07.45.

⁵² Романова Е.В. Дискуссия о будущем мироустройстве на страницах британских общественно-политических журналов в годы Первой мировой войны – Великая война 1914–1918. Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны, вып. 1. М., 2014, с. 66.

⁵³ TNA, CAB 24/172, British Foreign Policy and the Problem of Security, Memo by Chamberlain, 26.02.25.

твердом допущении, что он не нанесет вреда нашим отношениям с американцами. Начальники штабов рассматривают сотрудничество с американцами как основание нашей большой стратегии и планирования”⁵⁴.

Во многом размышления о Западноевропейской группе ставили британское военное и политическое руководство перед старым, по сути, вопросом: как сочетать отношения с европейскими странами с двумя другими направлениями британской политики и стратегии – трансатлантическим и имперским? Тогдашний постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт писал в 1932 г., что “мы связаны с Европой географией и экономикой, карта и цифры говорят сами за себя – пока. Если Европа откажется от сотрудничества и примирения, не будет послушной и сделает себя непригодным для жизни местом, она подтолкнет нас в Содружество”⁵⁵.

Упомянувшиеся в период дискуссии по Западноевропейской группе вопросы, связанные с Норвегией и Данией, своего рода “северными воротами” в Атлантику, значение, придававшееся включению в группу Исландии, – все это фактически уже указывало на то, что послевоенная безопасность Великобритании будет связана отнюдь не только с Западной Европой, но приобретет и серьезное трансатлантическое измерение. Для военных принципиальным в этом смысле был вопрос трансатлантических коммуникаций. Их роль в обеспечении Великобритании военными, продовольственными и иными грузами война продемонстрировала со всей очевидностью.

Британские аналитические разработки по вопросу Исландии были в этом смысле показательны. В сентябре 1945 г., планируя вывод британских войск с острова (введены в мае 1940 г., вывод намечался на март 1946 г.), КНШ положительно относился к желанию американцев создать в Исландии и Гренландии свои базы⁵⁶. Британские военные исходили из того, что американское присутствие в Исландии приблизит войска США к Европе и ускорит их вмешательство в случае новой войны на континенте. Более того, в связи с появлением атомной бомбы роль Исландии, с точки зрения КНШ, становилась еще более значимой. Сама география определяла “стратегическое значение Исландии как для морских путей в Северной Атлантике, так и для большого кругового воздушного пути в Северном полушарии (через Северный полюс. – *И.М.*)... Возможности относительно небольших военно-воздушных сил разрушить значительные территории с помощью атомных бомб и развитие другого вооружения дальнего радиуса действия усилили это значение. При базировании в Исландии в радиусе действия оказывается значительное количество крупных промышленных районов США, России и Европы”⁵⁷. Таким образом, перспективы развития военной техники стимулировали расширение масштабов стратегического планирования, предвещая некоторые реалии стратегии “холодной войны”: планирование стратегических атомных бомбардировок, повышенное внимание к Северному полюсу и др.

Трансатлантические коммуникации были важны для КНШ не только в свете отношений с США, но и ввиду связей с важным британским доминионом – Канадой. Тренд на отдаление и все большую самостоятельность Канады от Великобритании и переориентация ее экономических, а затем и политических связей на США наблюдались уже в начале XX в.⁵⁸ Вторая мировая война лишь усилила их. В октябре 1945 г. генерал-майор И. Джекоб, один из ближайших помощников Черчилля в министерстве обороны в годы войны, по инструкции КНШ подготовил доклад по проблеме имперской

⁵⁴ Цит. по: *Dockrill M. British Attitudes towards France as a Military Ally. – Diplomacy & Statecraft, 1990, v. 1, № 1, p. 58.*

⁵⁵ TNA, CAB 24/227, The British Position in Relation to European Policy, Memo by Vansittart, 11.01.32.

⁵⁶ Ibid., CAB 80/97, Copy of a Letter from FO to COS, 18.09.45.

⁵⁷ Ibid., U.S. Bases in Iceland, Report by COS, 26.09.45.

⁵⁸ См., например: *Романов В.В., Жуковская Н.Ю.* От “Североатлантического треугольника” к “Североамериканскому партнерству”: США и Канада в годы Первой мировой войны. – Актуальные проблемы истории Первой мировой войны. М., 2014.

обороны⁵⁹, в котором наглядно отразились две противоречивые тенденции: растущие возможности Канады действовать самостоятельно и продолжение заинтересованности Великобритании в поддержке североамериканского доминиона.

“С точки зрения Соединенного Королевства, мозга и сердца всей империи, тесное взаимодействие с Канадой (в военно-технической сфере. — *И.М.*) имеет еще большее значение (чем с Австралией и Новой Зеландией. — *И.М.*). Война окончательно доказала, что мы не можем преуспеть в битве за наше существование без полноценного сотрудничества с Канадой в поддержании наших коммуникаций через Атлантику и без использования всех мощностей канадской промышленности”, — говорилось в докладе. Вместе с тем, констатируя, что “географическое положение Канады делает естественным тот факт, что канадское правительство занимает несколько отстраненную позицию и стремится сохранить полную свободу собственных действий”, Джекоб призывал действовать и без Оттавы, надеясь косвенно привлечь ее к совместной обороне империи через механизмы ООН.

Если проблема будущего стратегического взаимодействия Великобритании и Канады была тесно связана с вопросом о значении трансатлантических коммуникаций, то применительно к тихоокеанским коммуникациям речь шла о будущих отношениях Соединенного Королевства с Австралией и Новой Зеландией. В январе 1945 г. Штаб объединенного планирования констатировал: “Основные британские интересы в Тихом океане состоят в обеспечении безопасности наших доминионов и колоний и морских коммуникаций, от которых те зависят”⁶⁰.

Тенденция на некоторое отдаление от Великобритании Австралии и Новой Зеландии и их постепенная переориентация на США в деле обеспечения собственной безопасности проявились именно в годы Второй мировой. Э. Денинг, политический советник при главнокомандующем союзными силами в Юго-Восточной Азии адмирале Л. Маунтбеттене, размышляя о возможном вкладе различных доминионов на завершающем этапе войны с Японией, так суммировал ситуацию в июне 1945 г.: “Среди доминионов Канада занимает особое место в своих отношениях с Соединенными Штатами... Что касается Австралии и Новой Зеландии, то оба эти доминиона чувствуют, что они в долгу перед Соединенными Штатами, которые спасли их от японского вторжения. К тому же они ожидают, что и в будущем им придется рассчитывать главным образом на Америку в деле обеспечения безопасности в Тихоокеанском регионе”⁶¹. Согласно логике КНШ, участие совместных сил Великобритании и доминионов — Австралии, Новой Зеландии и, возможно, Канады — в десанте на Японские острова, помимо обеспечения британских интересов на Дальнем Востоке после войны, должно было служить проявлением “очевидной солидарности Содружества”⁶².

Идея о необходимости более полного сотрудничества Великобритании и доминионов в планировании обороны империи в послевоенный период была логичным выводом из опыта Второй мировой войны. Она красной нитью проходила через документы КНШ и подчиненных ему органов. Анализируя одно из основных положений обобщающего доклада Штаба объединенного планирования “Безопасность Британской империи” (29 июня 1945 г.), британский историк Д. Льюис отмечает: “Только в том случае, если стратегическая политика будет скоординирована в рамках согласованного в мирное время плана, за которым будут стоять ресурсы всех членов (Содружества. — *И.М.*), Британская империя сможет стать великой державой, сопоставимой с Соединенными Штатами и Советским Союзом”⁶³. Меморандум Джекоба от 12 октября

⁵⁹ TNA, CAB 80/97, Imperial Co-operation in Defence, Memo by Jacob, 12.10.45.

⁶⁰ Цит. по: Iriye A. Japan against the ABCD Powers — American, Chinese, and Japanese Perspectives on Wartime Asia, 1931–1949. Wilmington, 1990, p. 237.

⁶¹ TNA, CAB 80/95, Political Factors Affecting British Participation in the War against Japan after the Fall of Singapore, Memo by Denning, 15.06.45.

⁶² Ibid., British Participation in the War against Japan, Report by COS, 30.06.45, Appendix III.

⁶³ Lewis J. Op. cit., p. 169.

имел схожий посыл. Критикуя недостаток совместного планирования Великобритании и доминионов в деле обороны империи до войны (в том числе из-за оппозиции этому со стороны Канады и Южно-Африканского союза), Джекоб призывал усилить их взаимодействие в рамках Комитета имперской обороны и на имперских конференциях. Особенное внимание он обращал на необходимость координации в деле подготовки промышленных потенциалов для ведения войны. До 1939 г. подобная координация отсутствовала, и ее следовало наладить в рамках совещаний начальников штабов и технических экспертов, а также путем постоянного взаимодействия штабов объединенного планирования, которые намечалось организовать в каждой столице⁶⁴.

Во многом британские военные предлагали ответить на вызов “глобальной войны” глобальным стратегическим планированием уже в мирное время. Однако сама по себе идея эта опять-таки не была новой. Тезис о необходимости координации усилий Великобритании и доминионов озвучивался еще до Первой мировой войны на заседаниях основанного в 1902 г. Комитета имперской обороны, а затем неоднократно развивался на имперских конференциях в межвоенный период⁶⁵. В сущности, изменились лишь акценты: теперь координация с доминионами нужна была прежде всего Великобритании для укрепления собственного военного потенциала и позиции в мире, поскольку доминионы все чаще смотрели в сторону Вашингтона, а не Лондона, получив дополнительные возможности для самостоятельной политики.

Как и в случае с Европой, британское стратегическое планирование в отношении Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона базировалось на извлечении уроков из опыта войны при смене потенциального противника. Штаб послевоенного планирования в докладе от 4 января 1945 г. исходил из двойного императива – сдерживания Японии и необходимости быть готовым к враждебным действиям со стороны СССР. Помимо контроля над Японскими островами и фактора поддержки со стороны США, британские планировщики делали акцент на роли баз на Пескадорских островах и Тайване, которые планировалось получить под эгидой ООН; на возможности привлечения австралийских и новозеландских войск (а быть может, также французских и голландских); и на необходимости принятия мер по подготовке второй линии военных баз на случай поражения Китая либо его перехода на сторону потенциального противника.

Особо отмечалось значение поддержания внутренней стабильности в Индокитае, Сиаме (Таиланде) и Малайе. Предполагалось, что военно-морские операции в Тихом океане будут “разделены” примерно по тем стратегическим линиям, что существовали в годы Второй мировой: британский ВМФ будет опираться на базы в Сингапуре, Сиднее и Окленде и действовать в южной части океана, а американский – в северной. В докладе от 19 мая 1945 г. рассматривалась даже возможность широкомасштабного наступления советских войск на Индию и Бирму с восточного направления, сценарий советского вторжения в Сингапур (после установления контроля СССР над Южным Китаем, Сиамом и Малайей). В случае захвата Сингапура резко увеличилась бы роль военно-морской базы в Тринкомали (Цейлон), куда должны были передислоцироваться основные силы флота, и аэродромов на островах Килинг, обеспечивавших военно-воздушную связь с Австралией⁶⁶.

При всем преувеличении масштабов “советской угрозы” и континуитете с довоенными концепциями (роль Сингапура и Индии) в таких британских оценках заметно влияние военного опыта. Оно отразилось в стремлении к созданию первоклассной морской базы в Тринкомали, на необходимости чего в КНШ настаивали командующие Восточным флотом адмиралы Б. Фрэзер и А. Пауэр, а также адмирал Маунтбеттен⁶⁷. Еще в мае 1942 г., в условиях ожидания японского наступления в Бирме, Черчилль определял Цейлон как “ключевую военно-морскую позицию” для всей ситуации

⁶⁴ TNA, CAB 80/97, Imperial Co-operation in Defence, Memo by Jacob, 12.10.45.

⁶⁵ Ibid., CAB 24/215, A Review of Imperial Defence, 1930, by COS, 29.07.30.

⁶⁶ Lewis J. Op. cit., p. 146–147, 157–158.

⁶⁷ TNA, CAB 80/96, Future Strategical Role of Ceylon, Note by Hollis, Annex, 04.08.45.

в Бенгальском заливе⁶⁸. Отражал реалии войны и акцент на роли восточноавстралийских портов: планируя в мае 1944 г. стратегию войны против Японии, КНШ подчеркивал необходимость создания резервных военно-морских баз в Восточной Австралии, поскольку в Индии это сделать затруднительнее ввиду использования имеющихся там ресурсов и людей для иных военных целей⁶⁹. После согласования с американцами на второй Квебекской конференции в сентябре 1944 г. проект создания военно-морских баз в Австралии (главная из них – в Сиднее) к июлю 1945 г. со 120 тыс. военнослужащих ВМФ активно прорабатывался КНШ вместе с австралийскими властями⁷⁰.

Если “советская угроза” на протяжении весны – лета 1945 г. рисовалась британским военным все более масштабной, то свои опасения существовали и по поводу будущих отношений с Китаем. КНШ считал, что и после войны “политическая ситуация в Китае, по всей видимости, останется нестабильной”⁷¹. С одной стороны, Чан Кайши по-прежнему воспринимался как фактор определенной внутренней консолидации Китая и барьер на пути усиления позиций коммунистов. Но, с другой стороны, росли опасения по поводу долгосрочных замыслов китайского генералиссимуса, имевшего возможность заручиться американской поддержкой⁷², по ограничению британского влияния на Дальнем Востоке. В августе 1945 г. британское военное командование в Юго-Восточной Азии настойчиво добивалось того, чтобы капитуляцию японских войск в Гонконге принимал британский, а не китайский военный (в итоге им стал адмирал Фрэнсис Деннинг)⁷³. В сентябре КНШ опасался “возможной китайской инфильтрации” в Северную Бирму, предлагая сохранять здесь необходимые вооруженные силы⁷⁴. В октябре Адмиралтейство констатировало наличие “временных проблем в наших отношениях с генералиссимусом” в связи с вхождением британских военных кораблей в Шанхай в составе англо-американской эскадры⁷⁵.

Проблема нехватки британских ресурсов при усилении американского присутствия, характерная и в других странах и регионах, была налицо и в Китае. В октябре 1945 г. КНШ с подачи британского военного командования в Китае принял решение о скором выводе из страны всех сухопутных сил, не предусматривая даже гарнизонов для китайских портов в послевоенный период. При этом Комитет все же рассчитывал сохранить небольшое британское присутствие в Китае в виде двух военно-воздушных миссий – при китайском Штабном колледже (для помощи в организации китайской авиации) и в Куньмине на юго-западе Китая (для поддержания воздушного сообщения с Японскими островами) – и, негласно, сеть, созданную в годы войны сотрудниками Секретной разведывательной организации (СИС)⁷⁶. Что характерно, Штаб послевоенного планирования предлагал вывести из Китая и команды британских инструкторов, занимавшихся помощью в организации китайской армии. Смысл их существования в годы войны во многом заключался в том, чтобы “демонстрировать британский флаг и служить определенным противовесом схожей американской структуре”⁷⁷. Вместе с тем отказываться от сохранения стратегически важной пози-

⁶⁸ The Churchill Documents, v. 17. Hillisdale, 2014, p. 721.

⁶⁹ TNA, CAB 80/83, War against Japan – Summary of Various Courses, Report by COS, 04.05.44.

⁷⁰ Ibid., CAB 80/90, Examination of Potentialities of Australia as a Base for R.N. Forces, Report of Joint Administrative Planning Sub-Committee, 20.10.44.

⁷¹ Ibid., CAB 80/97, Size and Deployment of the Armed Forces on 30th June, 1946, Report by COS, 06.09.45.

⁷² Ibid., from FO to COS, 26.08.45.

⁷³ Ibid., CAB 80/96, from Denning to FO, 15.08.45.

⁷⁴ Ibid., CAB 80/97, Size and Deployment of the Armed Forces on 30th June, 1946, Report by COS, 06.09.45.

⁷⁵ Ibid., Control of the British Pacific Fleet, Memo by Cunningham, 17.10.45.

⁷⁶ Ibid., Future of British Troops in China, Note by Hollis, 04.10.45.

⁷⁷ Ibid., Future of British Troops in China, Report by JPS, 02.10.45.

ции в Гонконге британское военное министерство отнюдь не собиралось, стремясь использовать часть выведенных из Китая войск для наращивания гарнизона на острове (с одной до двух бригад)⁷⁸.

При всем значении тихоокеанских коммуникаций и повышении роли трансатлантических Средиземноморье и Ближний Восток продолжали оставаться стратегически важным узлом Британской империи. Как отмечал КНШ в июле 1944 г., “наши жизненно важные интересы, такие, как доступ к нефти, придают делу обеспечения безопасности имперских коммуникаций в целом, и нашей позиции на Ближнем Востоке в частности, колоссальное значение”⁷⁹. Министерство ВВС и министерство по делам Индии, предлагая создать базу британских ВВС на о. Масира (близ Омана), в мае 1945 г. также подчеркивали стратегическую роль зоны нефтяных ресурсов Персидского залива и всего региона: “Не будет преувеличением сказать, что территория между Суэцким каналом и Индией в будущем, вероятно, будет иметь наибольшее значение для обороны Содружества”⁸⁰. Ближний Восток, Средиземноморье и Балканы рассматривались военными как “интегральная часть имперских коммуникаций по направлению к Индии и Дальнему Востоку”⁸¹.

Элементы преемственности с довоенным временем в британском стратегическом планировании в отношении Ближнего Востока и Средиземноморья были более очевидны, чем применительно к другим регионам. Два ключевых фактора, определявших значение региона – линии коммуникаций и доступ к нефти – неоднократно акцентировались КНШ и в межвоенное время⁸². Географическое положение Ближнего Востока, выступавшего связующим звеном между различными частями Британской империи, объясняло его выбор в качестве места дислокации послевоенного стратегического резерва империи, который, по расчетам КНШ осени 1944 г., должен был состоять из 166,5 тыс. человек и 33 эскадрилий тяжелых бомбардировщиков⁸³.

Стратегическое планирование Великобритании в Средиземноморье основывалось на сохранении максимального британского контроля над Гибралтаром и Суэцем, островами Мальтой и Кипром, недопущении советского военного присутствия в зоне Черноморских проливов и поддержке дружественных режимов в ключевых странах региона. “Территории Греции, Турции и Эгейских островов находятся на фланге путей через Средиземноморье и ввиду своего географического положения обеспечивают контроль над Эгейским морем. С военной точки зрения, для нас крайне важно, чтобы Греция и Турция оставались дружественными Британии и чтобы ни одна враждебная или потенциально враждебная держава не доминировала над этими странами”, – отмечал КНШ в сентябре 1945 г.⁸⁴

Британские военные разработки по вопросу Гибралтара июня 1944 г. свидетельствовали о том, что КНШ стремился интегрировать выводы из опыта войны в уже устоявшиеся стратегические концепции. Подчеркивая стратегическое значение Гибралтара, Подкомитет послевоенного планирования фактически призывал к расширению “глубины обороны” зоны пролива. Этого можно было достичь, получив уже в мирное время аэродромы в зоне Испанского Марокко и в Танжере, которые в случае войны должны были быть дополнены сетью аэродромов во Французском Марокко и Алжире “для обеспечения воздушного прикрытия Западного Средиземноморья

⁷⁸ Ibid., Garrison of Hong-Kong, Memo by WO, 09.10.45.

⁷⁹ Ibid., CAB 66/52, Man-Power One Year after the Defeat of Germany, Report by COS, 07.07.44.

⁸⁰ Ibid., CAB 66/66, Arabia – Acquisition of Masirah Island as a Permanent RAF Base, Memo by Macmillan and Amery, 29.05.45.

⁸¹ Ibid., CAB 80/95, Morgan to COS, 26.05.45.

⁸² См. Ibid. CAB 24/174, Strategic Aspect of the Situation in Egypt, Report by COS, 29.06.25.

⁸³ Ibid., CAB 80/87, APW Committee, 14th Meeting, Item 1 (Aug. 44).

⁸⁴ Ibid., CAB 80/97, Montreux Convention, British Military Interests in the Black Sea Straits, Report by COS, 11.09.45.

и Восточной Атлантики”, а также военно-морскими базами в Бизерте, Алжире, Ороне и Касабланке⁸⁵.

Особое значение при анализе ситуации в Средиземноморье придавалось и возможности сохранить военное присутствие в побежденной Италии. В августе 1945 г. фельдмаршал Александер предлагал исходить из того, что последующие соглашения с Римом по гражданским и военным вопросам не должны ограничивать сроки нахождения британских войск 1950-м годом, как считал Штаб послевоенного планирования. Фельдмаршал полагал, что войска должны оставаться там “так долго, как мы сочтем необходимым”⁸⁶.

Тезис о сохранении максимально возможного британского контроля за зоной Суэцкого канала был четко сформулирован в разработке КНШ в апреле 1945 г.⁸⁷ Исходя из того, что нельзя отделять вопрос безопасности Суэца от безопасности Ближнего Востока в целом, КНШ призывал руководствоваться тем, что Великобритания должна сохранить “доминирующую роль и полномостную позицию в отношении всех проблем, как внешних, так и внутренних, затрагивающих безопасность Ближнего Востока”. Вместе с тем, признавая дефицит вооруженных сил и “слабость нашей стратегической позиции”, КНШ полагал необходимым привлечь к делу обороны региона (в рамках договоренностей внутри ООН) США, арабские государства и Францию, но непосредственный контроль за Суэцким каналом должен был полностью находиться в руках Великобритании.

Значительный элемент преемственности британскому планированию в отношении Ближнего Востока и Средиземноморья придавал и тот факт, что новый потенциальный противник в регионе – СССР наследовал ряд стратегических интересов Российской империи, с которой британцы имели давний опыт непростого взаимодействия. Две страны, вызывавшие в июне 1944 г. у британских планировщиков особые опасения в связи с возможным усилением в них советского влияния – Иран и Турция⁸⁸, еще в XIX – начале XX в. были ареной активного российско-британского противостояния. Стремясь ускорить вывод советских войск из Северного Ирана, британское военное министерство в сентябре 1945 г. не исключало и более раннего вывода собственных войск с юга страны⁸⁹. Форин офис к тому же хотел снизить градус потенциальной антибританской пропаганды из-за приближавшихся иранских выборов, намеченных на декабрь 1945 г.

Предложения КНШ по модификации конвенции Монтрё о Черноморских проливах⁹⁰, включавшие предоставление только СССР и его союзникам права проведения судов через проливы в военное время, были направлены на сохранение главного, исключительного военного присутствия в зоне проливов Турции, что в случае войны, в которой Турция не была бы союзником СССР, могло привести к фактическому закрытию Босфора и Дарданелл для русских. В советских требованиях о совместной с Турцией обороне проливов КНШ усматривал далеко идущие планы: “Требование русских основано не только на оборонительных соображениях, оно может представлять собой первый шаг на пути русской экспансии в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток”⁹¹. Новым в этой наметившейся уже в 1945 г. советско-британской напряженности был “фактор США”, особенно применительно к Ближнему Востоку. “У Соединенных Штатов имеются весьма серьезные интересы в этом регионе, и страх

⁸⁵ См. Ibid., CAB 80/88, from FO to COS, 09.10.44, Annex II.

⁸⁶ Ibid., CAB 80/96, Peace Treaty with Italy, Memo by Alexander, 15.08.45.

⁸⁷ Ibid., CAB 80/94, Future Defence Policy in the Suez Canal Area, Aide-Memoire by COS, 25.04.45.

⁸⁸ Путь к Великой Победе, с. 600.

⁸⁹ TNA, CAB 80/97, Withdrawal of British Troops from Persia, Memo by WO, 02.09.45.

⁹⁰ Ibid., Montreux Convention, Comments on the FO Proposals, 11.09.45.

⁹¹ Ibid., Montreux Convention, British Military Interests in the Black Sea Straits, Report by COS, 11.09.45.

перед американским вмешательством, возможно, окажет на СССР сдерживающее влияние”, — отмечал Подкомитет послевоенного планирования в июне 1944 г.⁹²

В размышлениях британских военных о послевоенных задачах на Ближнем Востоке очевиднее и нагляднее, чем применительно к другим регионам, нашли отражение и такие факторы, как социально-политическая нестабильность в колониях (мандатах, протекторатах) и ее влияние на стратегические интересы Великобритании. В активной дискуссии внутри британского руководства по вопросу послевоенного устройства Палестины (в период Второй мировой войны еврейская иммиграция все стремительнее приближалась к установленному Белой книгой по Палестине 1939 г. порогу в 75 тыс. человек, что ставило вопрос об определении будущей британской политики) КНШ занял сторону тех политиков и дипломатов, которые считали рискованным курс на разделение Палестины на еврейское и арабское государства. “Раздел вызовет отчаянное возмущение у евреев и арабов Палестины, его последствия... будут серьезными. Ситуация, равносильная состоянию войны, может возникнуть в Ираке, беспорядки и забастовки в Египте могут стать достаточно серьезными и парализовать формирование Ближневосточной базы. Очень серьезная реакция последует и в Индии”, — отмечалось в меморандуме КНШ августа 1945 г.⁹³

Вместе с тем, соблюдая межведомственные “границы”, КНШ рассматривал преимущественно военную сторону дела, сводившуюся к количеству сил, необходимых для усмирения потенциальных волнений. Применительно к Палестине речь шла о двух — четырех дополнительных дивизиях в зависимости от выбранного политического курса⁹⁴. Проблемы для военных создавал также и религиозный фактор. Как предупреждали британские власти в Индии, “существуют серьезные возражения по вопросу применения индийских войск для подавления расовых беспорядков в Палестине (арабо-еврейских столкновений. — *И.М.*), главнокомандующие войск не должны рассчитывать на индийские войска на Ближнем Востоке в обстоятельствах, когда дело касается мусульманских вопросов”⁹⁵.

Потенциальные послевоенные проблемы на Ближнем Востоке вновь ставили перед британским военным командованием вопрос выбора между Европой и империей. Уже в сентябре 1944 г., по-видимому, под влиянием эйфории от успехов “Оверлорда” помощник Брука генерал-майор Дж. Кеннеди размышлял о возможном выводе британских войск из Германии “для использования, скажем, на Ближнем Востоке или в войне против Японии”⁹⁶. В целом и “после 1945 г. Британия... не рассматривала себя как в первую очередь европейскую державу”, — отмечает британский историк М. Докрилл⁹⁷.

С учетом возможной нестабильности в империи военные придавали особое значение фактору демонстрации военной мощи, надеясь, что это может ослабить нежелательные выступления. Они требовали наращивания военного присутствия в тех уголках мира, где могла возникнуть социально-политическая напряженность. Показательной была ситуация в Юго-Восточной Азии, где возвращение британских войск в бывшие колонии в августе — сентябре 1945 г. было относительно легким с военной точки зрения, поскольку происходило в условиях фактической капитуляции Японии,

⁹² Путь к Великой Победе, с. 600.

⁹³ TNA, CAB 80/97, Middle East Policy, Report by COS, 30.08.45.

⁹⁴ Ibidem. В ноябре 1944 г. силы, находившиеся в распоряжении британского командования на Ближнем Востоке, Иране и Персии, составляли лишь 1 британскую дивизию и 4 индийские бригады. Генерал-майор Дж. Кеннеди в сентябре 1944 г. оценивал силы, необходимые для подавления ожидавшихся на Ближнем Востоке волнений, в 8–9 дивизий. — TNA, CAB80/87, APW Committee, 14th Meeting, Item 1 (Aug. 44).

⁹⁵ Ibid., CAB 80/89, British Needs in the Levant States, Report by COS, 07.11.44.

⁹⁶ Ibid., CAB 80/87, APW Committee, 14th Meeting, Item 1 (Aug. 44).

⁹⁷ Dockrill M. Op. cit., p. 49.

но предвещало новые сложности, когда речь пойдет о повторном навязывании колониальных, пусть и модифицированных порядков.

В разработанном в штабе Маунтбеттена 13 августа 1945 г. списке приоритетных зон Юго-Восточной Азии для возвращения туда британских войск Малайя занимала первое место⁹⁸. 6 сентября, четыре дня спустя после капитуляции Японии, КНШ заявил о необходимости сохранения в Малайе значительного гарнизона ввиду стратегической роли Малайского полуострова, а также в связи с “возможными беспорядками на начальных стадиях нашей оккупации, спровоцированными местными движениями сопротивления и коммунистическими элементами”⁹⁹. Предчувствие будущих проблем с вьетнамским освободительным движением сказывалось на желании британских военных побыстрее вывести находившиеся во Французском Индокитае войска и “сдать” дела французам¹⁰⁰. Немаловажным было и то, что периодические запросы КНШ с указанием значительного количества сил, необходимых для обеспечения стабильности в колониях, были серьезным аргументом во все более активных дискуссиях, проходивших осенью 1945 г., с политическим руководством о темпах и масштабах демобилизации вооруженных сил.

КНШ рассчитывал на то, что при наличии необходимых сил и своевременных действиях удастся справиться с внутренней дестабилизацией и национальными движениями в различных частях империи. Стратегические резоны были для военных приоритетными. Характерна в этом смысле завязавшаяся в сентябре 1945 г. дискуссия между КНШ и лейбористским министром иностранных дел Э. Бевином о послевоенной судьбе Кипра. КНШ, акцентируя стратегическую роль острова для британских коммуникаций в Средиземноморье, призывал сохранить его под британским управлением, в то время как Бевин, опасаясь весьма вероятных волнений жителей острова, предлагал передать Кипр Греции при сохранении британского военного присутствия¹⁰¹.

В рассмотренных выше планах КНШ извлечение уроков из опыта войны нередко сочеталось с уже наработанными стратегическими концепциями, составлявшими “исторический багаж” британской политики. Однако были ли уроки прошлого применимы в условиях военно-технических перемен, связанных с началом “атомного века”?

Подчеркивание революционности перемен в связи с появлением атомного оружия было характерно для так называемого комитета Тизарда, возглавляемого известным физиком и химиком Г. Тизардом, сформированного в мае 1945 г. и призванного определить будущие тенденции развития вооружений и методов ведения войны. “Хотя у нас не было официальной информации, мы должны отметить, что практические последствия высвобождения энергии атома, вероятно, приведут к промышленной революции и будут иметь колоссальное влияние на технологии мирного и военного времени. Если энергия атома может быть высвобождена в форме взрыва, характер войны, размер и состав вооруженных сил, масштаб производства вооружений — все это подвергнется серьезным изменениям”, — отмечалось в итоговом докладе комитета от 16 июня, составленного за полтора месяца до бомбардировок Хиросимы и Нагасаки без предоставления военными из-за особой секретности информации о работах по созданию атомной бомбы¹⁰².

Резкая критика, которой доклад комитета Тизарда подвергся со стороны Штаба ВВС, свидетельствовала об отношении британских военных к идее о революционности изменений, которые принесет с собой атомное оружие. В докладе от 17 июля

⁹⁸ За ней следовали Сайгон (ныне Хошимин), Бангкок, Батавия (Джакарта), Сурабая и Гонконг. — *Marston D. The Indian Army and the End of the Raj*. Cambridge, 2014, p. 155.

⁹⁹ TNA, CAB 80/97, Size and Deployment of the Armed Forces on 30th June, 1946, Report by COS, 06.09.45.

¹⁰⁰ Ibid., from FO to COS, 25.09.45.

¹⁰¹ Ibid., from FO to COS, 11.09.45.

¹⁰² Ibid., CAB 80/94, Future Development in Weapons and Methods of War, Report by Tizard Committee, 16.06.45.

Штаб указывал на опасность “недооценки той роли, которую может сыграть в борьбе с противником, обладающим новейшими техническими средствами, превосходство в стратегии, тактике и моральном состоянии. Ненамеренно мы можем пойти по пути, когда придется прекратить производство некоторых вооружений или бросить некоторые направления (военно-технического. — *И.М.*) развития. Заключение комитета насчет будущего стратегических бомбардировок — только лишний тому пример”¹⁰³. Военные с большим скепсисом отнеслись к выводу комитета Тизарда о грядущей победе сверхзвуковых истребителей над бомбардировщиками, продолжая, как и в годы войны, высоко оценивать роль последних.

Скепсис военных был связан не только с нежеланием предоставлять ученому обществу больше влияния при оценке стратегических вопросов, но отражал и неопределенность, связанную с вопросом об атомном оружии в то время. Этот вопрос и к окончанию войны был окружен завесой тайны. Черчилль и узкий круг его приближенных держали его в строжайшем секрете даже от кабинета и КНШ. В черновике письма ближайшего военного советника Черчилля генерал-лейтенанта Г. Исма по новому премьер-министру Эттли от 10 августа 1945 г. говорилось: “Разработки по (атомной. — *И.М.*) бомбе окружала такая секретность, что мы практически не понимали, с чем будет связано ее производство и какими должны быть возможные контрмеры”¹⁰⁴.

Сам факт колоссальной мощи атомной бомбы, что стало более или менее ясно после Хиросимы и Нагасаки, не отменял необходимости детальной информации о последствиях атомных бомбардировок, для чего в Японии была подготовлена специальная британская миссия¹⁰⁵. Показательным стало и решение КНШ о том, что после реального применения атомного оружия доклад комитета Тизарда должен быть обновлен¹⁰⁶. Сложностей британцам, безусловно, добавлял и тот факт, что, как заявил бывший канцлер Казначейства Дж. Андерсон, тесно связанный с проектом по созданию бомбы, “основная часть усилий в производстве атомной бомбы выпала на долю американцев”¹⁰⁷. Хотя по соглашению Черчилля с Рузвельтом в Гайд-парке 18 сентября 1944 г. боевое применение атомного оружия требовало согласия Лондона (в отношении Хиросимы оно было дано 1 июля 1945 г.¹⁰⁸), реальный контроль над ним оставался в руках американцев. Общая тенденция на изменение “баланса сил” между Великобританией и США, отмечает британская исследовательница С. Ли, особенно сказывался на “решениях в сфере атомного оружия”¹⁰⁹.

Появление атомной бомбы вовсе не означало, что представления британских военных сразу же радикально изменились. Характерно, что в отличие от комитета Тизарда, уже намечавшего нечто вроде стратегии ядерного сдерживания¹¹⁰, военные были более склонны размышлять о возможном боевом применении атомной бомбы и после Хиросимы и Нагасаки. Последний глава британской военной миссии в СССР генерал-лейтенант Дж. Гэммелл в октябре 1945 г. писал в Лондон: “Анализ прошлой советской политики и ментальности, по всей видимости, указывают на то, что, имея они монопольное право на применение атомной бомбы, советские лидеры, не колеблясь, использовали бы его для продвижения своих интересов. Было бы прискорбно, если

¹⁰³ Цит. по: *Lewis J.* Op. cit., p. 188.

¹⁰⁴ Цит. по: *Twigge S.R.* The Early Development of Guided Weapons in the United Kingdom, 1940–1960. Reading, 1993, p. 90.

¹⁰⁵ TNA, CAB 80/97, Examination of the Effects of the Bombing of Japan, Note by the Air Ministry, 26.08.45.

¹⁰⁶ Ibid., Revision of Tizard’s Report, Note by Hollis, 03.09.45.

¹⁰⁷ Ibid., From Anderson to Attlee, 02.10.45.

¹⁰⁸ *Hymans J.* Britain and Hiroshima. — *Journal of Strategic Studies*, 2009, v. 32, № 3, p. 771.

¹⁰⁹ *Lee S.* “In No Sense Vital and Actually Not Even Important”? Reality and Perception of Britain’s Contribution to the Development of Nuclear Weapons. — *Contemporary British History*, 2006, v. 20, № 2, p. 176.

¹¹⁰ TNA, CAB 80/94, Future Development in Weapons and Methods of War, Report by Tizard Committee, 16.06.45.

бы у русских создалось впечатление, что США и мы не готовы сделать то же самое в целях защиты той политической линии, которую мы считаем верной и жизненно необходимой для нашей безопасности”¹¹¹.

Размышления об атомной бомбе были тесно связаны с вопросом о том, что единственным средством ее доставки в то время была авиация. Перспективы развития баллистических ракет по типу примененных уже в годы войны Фау-2 оставались пока весьма туманными: в июне 1945 г. комитет Тизарда, указывая на сложность точного наведения и обеспечения значительной массы боеголовки, предполагал исходить из того, что дальность эффективного применения ракет будет составлять около 400 миль¹¹². В сентябре Имперский генштаб готов был рассматривать в качестве стратегической ракету с радиусом действия в 300 миль, и то, вероятно, несколько сомневаясь в реализуемости проекта¹¹³. В отношении же авиации, существует атомная бомба или нет, КНШ был намерен, как и в межвоенное время¹¹⁴, поддерживать паритет с сильнейшей державой в Европе.

Идеи о роли атомного оружия летом – осенью 1945 г. развивались не изолированно, а составляли часть размышлений британских военных об “уроках войны” и о новой стратегической ситуации. Для этих размышлений были характерны идеи о необходимости продолжения англо-американского сотрудничества в сфере военных научно-исследовательских разработок (при возрастающем желании Вашингтона его ограничить)¹¹⁵; опасения, что СССР с его возможностями может создать атомную бомбу; императив научного и военно-технического сотрудничества с доминионами (прежде всего с Канадой, активно вовлеченной в проект “Тьюб Алойз” в годы войны); развитие полигонов на их территориях¹¹⁶. Даже идея о том, что появление атомного оружия резко усилит значение начальной стадии возможного конфликта¹¹⁷, которая в некоторой степени предвосхитила будущие стратегические расчеты времен “холодной войны”, также имела истоки в межвоенном периоде, когда о “подлетном времени” размышляли применительно к бомбардировщикам¹¹⁸. Рассуждения британских военных летом – осенью 1945 г. во многом демонстрировали континуитет с тезисом, сформулированным в черчиллевской записке Исмэю в августе 1941 г.: атомная бомба будет отличаться от существующих видов вооружений не в качественном, а в количественном отношении¹¹⁹.

* * *

Стремление учесть уроки войны, реализовать сделанные выводы и в то же время сохранить ряд важных традиций стратегической политики Великобритании определяло размышления членов КНШ. Трансформации, диктуемые колоссальными по своему масштабу последствиями Второй мировой, они стремились интегрировать в уже

¹¹¹ Ibid., CAB 80/97, Final Report on No. 30 Military Mission, 03.10.45.

¹¹² Ibid., CAB 80/94, Future Development in Weapons and Methods of War, Report by Tizard Committee, 16.06.45.

¹¹³ Ibid., CAB 80/97, Guided Projectiles, Memo by Ministry of Supply, 19.09.45.

¹¹⁴ См. *Джордан В.М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945, с. 198–199.

¹¹⁵ Ibid., CAB 80/96, Collaboration with the United States on Research and Development, Note by Hollis, 08.08.45, Annex I–II.

¹¹⁶ Ibid., CAB 80/94, Co-Ordination of Research and Development in Guided Missiles and Projectiles, Memo by Ministry of Supply, 11.05.45.

¹¹⁷ “Современные научные открытия и особенно создание атомной бомбы... делают очевидным то, что начальная стадия будущего конфликта будет иметь решающее значение”, – писал генерал-майор Джекоб. – TNA, CAB 80/97, Imperial Co-operation in Defence, Memo by Jacob, 12.10.45.

¹¹⁸ *Ferris J.* Fighter Defence before Fighter Command: The Rise of Strategic Air Defence in Great Britain, 1917–1934. – The Journal of Military History, 1999, v. 63, № 4, p. 863.

¹¹⁹ *Hymans J.* Op. cit., p. 789.

существовавшие стратегические концепции и наработки. Наиболее значимые выводы из опыта войны диктовались не кардинальными концептуальными новациями, а изменением “баланса сил”. Отсюда проистекали важные для британских военных идеи о необходимости солидарности с США, поддержке со стороны доминионов, призванных прибавить международного “веса” Соединенному Королевству, а также опасения по поводу усилившегося СССР. Тенденция к сохранению элемента неопределенности в стратегическом планировании с учетом уроков и возможных грядущих изменений отразилась и в соображениях КНШ 1944–1945 гг. о необходимости готовиться к отражению угроз как со стороны прошлых агрессоров – Германии и Японии, так и со стороны нового/старого врага – СССР.

Общим фоном планов КНШ на будущее был относительный оптимизм и уверенность в том, что, несмотря на трансформацию “баланса сил” в годы войны, Великобритания при принятии необходимых мер и проведении грамотной политики сможет играть роль настоящей “великой державы” и практически на равных участвовать в глобальной политике вместе с США и СССР и после 1945 г. Подобное упорство в отстаивании великодержавных интересов Великобритании, характерное не только для КНШ, но и для Черчилля, хотя и могло принести некоторые плоды, указывало на непонимание масштаба грядущих международно-политических изменений в послевоенном мире. К другим упущениям британского стратегического планирования 1944–1945 гг. можно отнести недооценку силы и размаха процессов деколонизации, а также роста в долгосрочной перспективе новых акторов, в том числе Китая. В этом смысле традиции могли сыграть и злую шутку. Для президента Ф. Рузвельта, писал позднее личный доктор Черчилля Ч. Моран, “Китай означает 400 млн человек, которые будут иметь значение в будущем, а Уинстон, когда говорит об Индии или Китае, думает только о цвете кожи. Не забывайте, что он вырос в викторианскую эпоху”¹²⁰.

Вместе с тем КНШ предугадал и наметил целый ряд тенденций, ставших реальностью в эпоху “холодной войны”, таких как “советская угроза”, роль стратегических атомных бомбардировок, значение Западноевропейской группы, в которой намечались контуры будущего Западноевропейского союза (ЗЕС, 1948 г.). Британские военные мыслили в трансатлантическом масштабе, делая ставку на участие США в европейских делах, что концептуально предвещало формирование НАТО (1949 г.), уделяли серьезное внимание вопросу о Греции и Турции как опорных пунктах в противодействии советскому влиянию на Восточном Средиземноморье, тем самым подготавливая почву для “доктрины Трумэна” (1947 г.). Таким образом, в британском стратегическом планировании в период Второй мировой войны и во время ее окончания уже присутствовали важные составные части багажа “холодной войны”.

Однако особый интерес рассмотренного периода состоит в том, что он характеризовался переходностью и неоднозначностью. Путь от “излета Великого альянса” до начала “холодной войны” отличало наличие надежд, связанных с возможностью международного контроля за атомной энергией и необходимостью предотвратить потенциальную гонку атомных вооружений¹²¹, с ролью ООН и особенно Военно-штабного комитета как площадки для военно-стратегического взаимодействия стран бывшей антигитлеровской коалиции¹²². Хотя надежды эти остались нереализованными, они свидетельствовали о том, что путь к “холодной войне” не был предreshен, он зависел от конкретных решений конкретных людей. В этом, как представляется, есть определенные уроки применительно и к современному международно-политическому положению.

¹²⁰ *Moran Ch. Churchill at War, 1940–45. New York, 2002, p. 159.*

¹²¹ TNA, CAB 80/97, International Control of Atomic Energy, Note by Hollis, 06.10.45, Annex I–III.

¹²² *Ibid.*, Security Council – Military Staff Committee, Note by Hollis, 12.10.45, Annex I–II.